

ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.Б. Овчинникова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОВГОРОДА С ЮГРОЙ (XI–XV вв.)

Полярный Урал казался скандинавам границей Йотунхейма, — преддверия загробного мира, где в ожидании последней битвы с богами томятся чудовищные силы зла. Мусульмане считали Уральские горы стеной, которую выстроил Искандер-Зул-Карнайн (Александр Македонский) для защиты от страшных племен Яджуджей и Маджуджей (Гога и Магога), предвестников конца света. И только новгородцы смогли во время плавания в Зауралье увидеть Эдем, о чем сообщал архиепископ Василий Калика как о несомненном доказательстве существования земного рая.

Древнерусские мореходы видели мираж, но их поиски рая в ледяном аду свидетельствуют о многом. Каждый находит то, что ищет: скандинавы и булгары встретили кошмар и не испугались, новгородцы узрели волшебный сон и поверили ему; каждый нашел свое, но одни повернули, а другие остались. Столетия спустя, с той же наивной верой, мечтатели двинутся на «встречу солнцу» в поисках Беловодья, но это будет уже другое время. А десять веков тому назад словене, что с берегов Ильменского озера, сделали первый шаг в неведомую им страну, что занимает ныне девятую часть суши...

«Новым Светом» для них стали «незнаемые земли» Урала и Западной Сибири; через бури и льды «дышащих морей», «непроходимыми пропастьми, снегом и лесом» вел их путь к горам «высоты яко до небеса», за которыми пряталась сказочно богатая страна, населенная жестоким и воинственным народом¹. Ради «мягкого золота» они сражались с врагом сталью и покупали его железом, совершали великие подвиги и творили гнусные преступления, терпели голод и нужду, не унывали в бедах и в конце концов побеждали. На руинах чужих крепостей и в пустынных урочищах вырастали их погосты и городки, постепенно превращавшиеся в города и села; а те, кто ушел вперед, проложили первые тысячи верст дороги «встреч солнцу» которая завершилась уже в другое время и в другом месте — в начале XVIII в. на берегах Тихого океана.

События тех бурных лет напоминают о Великих географических открытиях намного больше, чем о классическом средневековье; а между тем написано о новгородской торговле гораздо меньше, чем, скажем, о венецианских купцах или негодьях Ганзейского союза. Конечно, многое тут нелепо, многое забыто, и все же героев той эпохи не так уж трудно «понять умом», а их торговые обороты измерить «общим аршином». Среди них не было столь обычных для русской истории благородных рыцарей, вельможных негодяев, премудрых старцев и просто «лишних людей», мелькающих на фоне темной безликой толпы. Здесь действовали иные люди – предприимчивые и решительные, для которых свобода была не мечтой и не целью, а первым и самым главным условием существования. Здесь была иная Русь – Русь Новгородская: она замыкалась в каких-то определенных, ведомых ей, границах. Вольные люди Великого Новгорода были живой границей этой неудержимой Руси. Об их нелегких путях, славных деяниях, порой, горьких неудачах и пойдет речь на этих страницах.

1. Золотые дороги.

Реки для древнерусской торговли были важнее мостов, и уже первые обитатели Новгорода прекрасно знали те речные пути, что вели из озера Ильмень на север и восток. Важнейшим из них был Волжский; к Волге плыли либо «Селигерским путем» (через Ильмень, Ловать, Полу и волок на озеро Селигер, связанное с истоками великой русской реки)², либо «Сясьским путем». Последний шел из Новгорода по Волхову, Ладожскому озеру, рекой Сясь, волоком на реку Чадогошу, по которой суда плыли сначала до реки Мологи, а затем и до Волги. Через реки Чадогошу, Оять, Суду и Шексну можно было достичь озера Белого³. Наиболее удобный путь на восток шел из Ильменя по реке Мсте, затем по волоку у Боровицких порогов в реку Тверцу, впадающую в Волгу у Твери⁴. Что же касается самой Волги, то по ней восточные славяне плавали издревле от истоков до устья, а в Булгарии и Хазарии с конца IX в. уже существовали их торговые колонии.

Дорога на север начиналась с Ладожского озера. Особое значение имел путь через реку Свирь, Онежское озеро и реку Вытегру на озеро Белое⁵; из этого озера суда обычно плыли рекой Ухтомой Белозерской, затем их волокли к реке Ухтоме Вожской, и шли до Онеги через озеро Воже, реку Свидь и озеро Лаче⁶ (на озеро Воже можно было попасть из реки Вытегры через «Гостин волок»). Еще один путь на Онегу

проходил из Онежского озера через реку Волгу и ее приток Мытые Черевы, Кемский волок и реку Кемь⁸. Из озера Белого рекой Шексной через Волок Славянский шли до озера Кубенского, откуда рекой Сухонной плыли до Северной Двины (непосредственно из Заонежья на Северную Двину проходили по реке Емце, а по рекам Пуе и Вепь попадали на западный приток Северной Двины – Вагу; верховья Ваги, в свою очередь, близко подходили к реке Кубене, впадающей в озеро Кубенское)⁹.

По реке Онеге новгородцы и вышли в Белое море. Первой их целью стали низовья Северной Двины, но здесь они задержались ненадолго – рассказы о далеких восточных землях, «изобилующих соболями и горностаями, и черными кунами и песцы, и белыми волкы, и рыбьими зубы»¹⁰ неудержимо влекли их вперед. В конце X – начале XI в. древнерусские купцы и зверобои прошли через три моря (Белое, Баренцево и Карское) и достигли пределов таинственной Югры; некоторые из них плыли к устью Оби вокруг полуострова Ямал, но большинство предпочитало идти сначала в Карскую губу, затем через реку Мутную к волоку на реку Зеленую, по которой мореходы и добирались до Обской губы¹¹.

Тяжелой и небезопасной была эта дорога; безумный гнев океана беспощадно карал тех, кто осмеливался нарушать границы его заполярных вод, и лишь коротким летом бледное солнце открывало здесь путь к своему восходу. Неудивительно, что предприимчивые новгородцы взялись за поиски более удобных подходов к сокровищам «ледяного Эльдорадо».

Тем временем на северо-восточных границах Киевской Руси происходили серьезные перемены. Вызваны они были принятием христианства, когда великому князю Владимиру (980–1019 гг.) пришлось крестить упрямых новгородцев «огнем и мечом»¹². Повторить их опыт никому не хотелось, и для непримиримых язычников оставался только один выход – уйти на восток, что они и сделали. Были среди них и славяне, и чудь, и меря, но подавляющее большинство переселенцев составляла весь; по Сухоне и Северной Двине они проникли в Повычегодье, а оттуда – в Повымье и Северное Прикамье¹³. Иначе обстояли дела в Двинской земле: обитавшая здесь чудь заволочская добровольно покорилась великому князю Ярославу Мудрому (1019–1054 гг.), видя в этом единственное спасение от скандинавских набегов¹⁴.

Эти события открыли перед новгородцами новые дороги. Пермские племена воинственностью не отличались – русские дружины прошли через их страну практически спокойно и к середине XI в. вновь

оказались у границ Югорской земли. Теперь к ней можно было пройти тихими речными путями, важнейший из которых начинался на Вологде и шел далее по Сухоне и Северной Двине. По впадающей в Северную Двину реке Пинеге суда плыли до Николаева мыса, перетаскивались в реку Кулай, по которой они через шесть дней достигали Белого моря. Морская часть пути шла до устья реки Мезень; вверх по Мезени можно было добраться до реки Пезы, а трехдневный путь этой рекой вел к реке Пескай. Здесь открывалось две дороги. Обе они начинались волоком, но первая шла через реку Рубиху в реку Чирку, а вторая – сразу в Чирку; по Чирке плыли до реки Цильмы, а по Цильме – до Печоры. По Печоре можно было дойти до моря или же опуститься до устья реки Усы. Путь от Цильмы до Усы занимал целый месяц; еще три недели нужно было плыть сначала Усой, а затем Шугрой до «Камня» – гор Северного Урала. После трехдневного перехода через горы новгородцы выходили к верховьям Северной Сосьвы, по которой и добирались до Оби¹⁵.

Существовало еще два пути за Урал. Первый из них, названный в XVI в. «Черезкаменным», шел по Сухоне, Двине, Вычегде до устья реки Выми, далее вверх по Выми, Печере и Говнюхе. Отсюда Вымским волоком переходили на Ухту и плыли по Ухте, Ижме и Печоре. Далее «Черезкаменный путь» совпадал с описанным выше Северным путем и шел по реке Усе; однако по Усе плыли не до Шугры, а до реки Собь и ее притока Ельца (Ели). Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, впадающей в Обь. До этой Соби шли «Каменным волоком», проходившим через Уральские горы по семи озерам. Иногда до перевала «через камень» пользовались притоком Печоры – Илычем¹⁶. Другой путь (получивший позднее название «Чердынского») также начинался Сухоной, Двиной и Вычегдой. С Вычегды рекою Виледью и Вилецким волоком шли на Сысолу, из Сысолы Ужгой и волоком на Каму, по Каме плыли до Вишеры, а с Вишеры суда волокли «через Камень» до реки Лозьвы¹⁷. К Вишере с Вычегды была другая дорога – по волоку с верховий реки Нем¹⁸. «Чердынский путь» через Вишеру был связан с «Северным» и «Черезкаменным»¹⁹. По этой реке можно было пройти до Колвы, Вишерки и Чусовского озера. В последнее впадает река Березовка с притоком Вогулкой, от которой шел волок к верховьям реки Волосницы – притока Печоры.

Очень скоро новгородцам пришлось столкнуться с весьма неприятным для них явлением – северной экспансией булгар, усилившейся в

первой половине XII в. Булгары были опасными соперниками и на поле боя, и на перекрестках торговли; к тому времени их купцы давно уже проникли в Повычегодье, Прикамье и Зауралье; их воины заставили платить дань многие пермские племена. Ссориться с ними было рискованно – идущий через Булгарию «Волжский путь» являлся одним из важнейших для всей Северо-Восточной Руси. Но и миром дело явно было не решить, слишком уж велики были доходы от северных краев, чтобы их можно было разделить спокойно и без столкновений. Поэтому «Господин Великий Новгород» и повел «двойную игру»: правой рукой он выгодно торговал с Булгарией, а левой – посылал ей в тыл ватаги ушкуйников.

Вероятно, именно ушкуйники открыли Камские пути за Урал. Вряд ли они думали о торговле в неведомых землях; скорее всего, их интересовали дороги булгарских караванов, а также места, где эти караваны можно было разграбить с наименьшими потерями. С низовий Камы на Урал шли двумя путями. Первый вел сначала по реке Белой, до устья реки Уфы; с верховий Уфы можно было достичь Исети, а уже по Исети дойти до Тобола²⁰. Второй путь шел по впадающей в Каму реке Чусовой до реки Серебрянки, с Серебрянки по Тагильскому волоку в Туру²¹.

Все эти дороги известны не только по письменным источникам – их нетрудно проследить и по материалам археологических исследований. Наибольшее количество вещей прикамского происхождения найдено в Приладожских курганах IX–XI вв.²² К этому же времени относятся и единичные находки новгородских украшений в Прикамье²³, однако наиболее ярко новгородско-пермские отношения представлены в памятниках Повымья. Здесь обнаружены: круговая керамика древнерусского облика (XII в.), кресала овальной формы (XI–XIII вв.), цилиндрические замки (XI в.), бусы новгородских и европейских типов, а также немногочисленные находки западноевропейских монет (XI–XII вв.)²⁴. В XII в. в Повымье получают широкое распространение древнерусские украшения, а также местные подражания им; тогда же появляются и пряслица из розового овручского шифера, привозимые с территории Киевской Руси²⁵. Основная часть украшений изготавливалась в Новгородской земле. Погребения русских торговцев и дружинников найдены на берегах Сухоны и Мезени (XI–XII вв.)²⁶.

Комплекс вещей древнерусского происхождения из Прикамья во многом близок вымскому (XI–XII вв.); предполагают, что плужное земледелие у пермских племен возникло под новгородским влия-

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Госуниверситета

г. Екатеринбург

1340044

янием – его появление по времени совпадает с появлением наибольшего числа русских вещей в могильниках, а большинство ральников похожи на северорусские²⁷.

На Урале и в Западной Сибири новгородское влияние в XI–XII вв. ощущалось слабее, чем в Повычегодье и Прикамье. Здесь, как и в Пермских землях, обнаружены обычные предметы древнерусского экспорта: украшения, замки и ключи, а также оружие и инструменты (топоры и ножи)²⁸. Весьма интересны находки древнерусской керамики XII–XIII вв. на отдельных памятниках Нижнего Приобья и Прииртышья²⁹.

В целом же движение новгородцев на восток в IX–XII вв. было довольно разнородным. Его первую волну составляли охотники на пушного зверя и мелкие торговцы; их группы нередко снаряжались на деньги богатых купцов и бояр, заинтересованных возможностью легкого обогащения. Со второй половины XI в. в дальние походы стали отправляться промысловики из пермских племен, которые с каждым годом все больше и больше нуждались в «мягком золоте» для уплаты дани. Как правило, зверобой и торговцы без особого труда находили общий язык с местным населением; воевать в лесу было бесполезно и небезопасно, обмен же оказывался выгодным для обеих сторон: все получали то, что хотели. На пройденных дорогах возникали зимовья и фактории, которые не мешали туземцам и очень помогали новгородским искателям приключений. Те из них, кто не замерз в пути, не умер от голода, не утонул, не сорвался в пропасть и не погиб в стычке, возвращался домой, чтобы возбуждать зависть земляков и смущать их рассказами о тех краях, где сокровища «валятся с неба». Богатые предприниматели нередко прислушивались к ним и отправляли по их следам преданных слуг, превращавших новые земли в охотничьи угодья и сверхприбыльные рынки. Проще всего поступала скукающая от безделья знатная молодежь, – эти люди торговать ничем не собирались, а если они и вкладывали свои деньги, то только в оружие. Их отряды, набранные из «охочьего люда» да из «холопов-сбоев», садились на быстрые кораблики-ушкуи (от которых и получили свое имя) и отправлялись за добычей. В конце концов появлялись представители государства, наводившие порядок: новые земли становились новгородскими волостями, их облагали данью, а для ее своевременного поступления возводились погосты и городки. Порядок этот нравился далеко не всем новгородцам: одним республика мешала торговать, другим – грабить, а третьим – жить как

хочется. К последним относились переселенцы-язычники, осевшие на землю торговцы и охотники, пограничные метисы, – одним словом, все те, кто обрел в чужой стране новую родину. Вести завоевательные войны с таким настроением в собственных рядах было трудно, и если торговая колонизация новгородцев кажется триумфальным шествием, то их военную историю на Востоке вполне можно назвать «летописью поражений».

2. Летопись поражений.

Уже в 1032 г. новгородская рать под предводительством Глеба ходила походом на Югорскую землю³⁰. Обстоятельства этого похода неизвестны; ясно лишь то, что закончился он неудачей, – то ли югра упорно сопротивлялась, то ли Северный морской путь оказался для воинов слишком тяжелым, но вплоть до 1114 г. новгородские дружины на Югру войной ходить не рисковали.

Повычегодье было ближе, чем Югорская земля, да и народ здесь жил мирный. «Предметы вооружения коми-зырян мало отличимы от предметов охоты. Это те же железные наконечники стрел, копья, рогатины... Среди наконечников стрел... есть бронебойные... Такое вооружение предполагает существование кольчуг и иного оборонительного доспеха, хотя при раскопках они пока не обнаружены. Боевые ножи сходны с охотничьими и отличаются от бытовых сравнительно крупными размерами... Находки мечей.. редки...»³¹. С таким врагом справиться было нетрудно, – летописцы даже не отметили дату, когда Печора и Пермь превратились в волости «Господина Великого Новгорода»; видимо, подчинение огромной территории заняло не один год и продолжалось до конца XI в. (к 1096 г. относится сообщение Гюряты Роговича в «Повести временных лет», где рассказано о торговле с Югрой, а также о том, что Печора и Пермь платят дань Руси³²). К этому времени восточные границы Новгородской земли подошли к Уральским горам.

Освоив Северный путь в Югру, новгородцы к началу XII в. стали подумывать о более решительных действиях, нежели мирная торговля и зверобойный промысел. Их поход 1114 г. был направлен не только на югру, но и на самоядь. Судя по всему, нападения не ожидали ни те, ни другие – туземцы рассеялись кто куда и воевать пришлось, в основном, с тундрой. Подчинить новые земли не удалось, но добычи вполне хватило, чтобы новгородские дружины вернулись домой гордые и довольные одержанной победой.

Вслед за новгородцами в Приобье проникли зыряне; воинами они были плохими, а вот предприимчивостью и хваткой не уступали своим западным соседям, да и охотиться в таежных лесах им было сподручнее. Начинали они с промысловых избушек, но постепенно перешли к делам более серьезным: понастроили городков на Оби³³, обосновались в верховьях Туры³⁴ и едва не прибрали в свои руки всю внешнюю торговлю угорских племен³⁵.

Добившись победы на севере, новгородцы перенесли свое внимание на юго-восток, где, как уже говорилось выше, усилилась активность болгар. Начало было успешным. В 1157 г. ушкуйники спустились вниз по Каме и совершили удачный набег на болгарский город Бряхимов. Продолжение оказалось еще более блестящим: великий князь Андрей Боголюбский (1157–1174 гг.) ввязался в войну с Булгарией и новгородцы могли не без удовольствия наблюдать, как их давние соперники – суздальцы и болгары – истребляют друг друга.

Знаменитая война 1169–1170 гг., когда новгородцы разгромили рать Андрея Боголюбского, началась не где-нибудь, а на Белоозере, где столкнулись шедшие в Заволочье отряды «данников» Новгорода и Владимира. Великий князь ответил ходом, который стоил трех военных побед – в 1173 г. у реки Сухоны была построена крепость Гleden, закрывшая своими стенами наиболее удобную дорогу на восток.

1174 г. стал важной вехой в истории русской колонизации; недовольные порядками в своем родном городе, часть новгородцев решили переселиться куда-нибудь подальше от него и выбрали берега реки Вятки, где и обосновались. Сам факт появления новгородцев на этой территории уже в XII веке весьма показателен. Не будет преувеличением сказать, что русское средневековье (да и западноевропейское тоже) не знает другого такого случая, когда тысячи колонистов за тысячи километров от метрополии без поддержки государства и в окружении враждебных племен сумели бы в столь короткий срок создать собственную свободную страну, просуществовавшую более трех столетий. У Новгорода всегда были люди, готовые осваивать новые земли – в этом и таился главный секрет успеха новгородской колонизации, которая не ограничивалась одной Вяткой.

Новгородская республика богатела все больше и больше, а в волостях ее тем временем росло недовольство. Неизвестно, что послужило поводом для взрыва; возможно, увеличение размеров дани или

злоупотребления чиновников, собирающих ее. Как бы то ни было, в 1187 г. на Печоре произошло самое настоящее восстание; новгородский отряд был перебит вместе с печорскими и югорскими «данниками»³⁶. Печору усмирили довольно быстро, а вот карательный поход на Югорскую землю организовали только осенью 1193 г.

Сначала новгородцам сопутствовал успех, и тогда югорские князья, желая выиграть время, вступили в переговоры с воеводой Ядреем, который командовал русской ратью. Выпросив себе отсрочку (якобы для сбора дани), они заманили в городок сначала один отряд новгородцев, а потом убедившись в их беспечности и легковерии, еще один. Оба отряда были истреблены; погибли и руководители похода. Уцелевшие продолжали осаду, пока у них не закончилось продовольствие, а затем отступили. Вернувшись в Новгород, они затеяли ссору, обвиняя друг друга в произошедшем; в начавшейся затем драке было убито три человека³⁷.

С.В. Бахрушин, анализируя летописные известия, пришел к заключению, что частные предприниматели имели в Югре прочные связи и объяснял неудачу похода воеводы Ядрея в 1194 г. происками некоторых новгородцев, «совет державших с югрою на братью свою»³⁸. С этим трудно не согласиться. Торговцы, зверобой и прочие колонисты никакой выгоды от сбора дани не имели, — напротив, ее взимание с помощью вооруженных отрядов только ухудшало отношения с югрой. Новгород упорно продолжал называть Югорскую землю своей волостью. Однако, на деле крах похода 1193—1194 гг. означал крах всей политики правительственной колонизации. Попытки возобновить ее предпринимались еще не раз, но успеха они уже не имели. Более того, новгородцы едва не потеряли уже завоеванные позиции в Приуралье.

В XIII в. их конкурентами по-прежнему оставались великие князья Владимирские, не оставлявшие намерения перекрыть Северной республике дорогу на восток. В 1212 г. вел. кн. Всеволод Большое Гнездо (1176—1212 гг.) у слияния рек Сухоны и Юга построил город Устюг. Булгары дважды осаждали этот город (1218, 1219 гг.), но были отражены; вел. кн. Юрий (1212—1238 гг.) совершил ответный поход в Нижнее Прикамье в 1220 г., а заодно присвоил себе дань с Перми. Новгородцы попробовали было вознаградить себя в Югорской земле, однако их поход 1230 г. закончился неудачей³⁹.

Нашествие монголов нарушило сложившееся равновесие сил. Владимиро-Суздальская земля лежала в руинах, болгары из соперников стали беженцами, и только Новгород пережил эту бурю почти без потерь. До начала XIV в. новгородцы не ввязывались в войны на далеком востоке, занимаясь торговлей и промыслом пушнины. Так продолжалось до тех пор, пока вновь не встал вопрос о дани, – той, которую русские земли платили Золотой Орде. Нуждаясь в средствах для ее уплаты, новгородцы в 1323 г. совершили успешный поход в Югру; но обратный путь лежал через Великий Устюг, где их уже поджидала засада⁴⁰. Добыча была потеряна, однако, в следующем году новгородцы возместили ущерб сполна, взяв Устюг «на шит»⁴¹. Устюжане обязались не препятствовать сообщению с Югорской землей, но обещание свое нарушили и в 1329 г. разбили новгородскую рать, отправившуюся за данью⁴². Весьма вероятно, что они сами вели торговлю с Югрой и не желали ее разрушать; за спиной устюжан стоял вел. кн. Иван Калита (1325–1340 гг.), выдавший в 1328 г. свою дочь замуж за устюжского князя Константина. В 1338 г. новгородцы уступили вел. кн. Ивану дань с Повыхегодья и Печоры⁴³, однако попыток овладеть Югорской землей не оставили. В 1357 г. их очередной поход на югру снова завершился поражением⁴⁴ и только в 1364 г. отважные ушкуйники смогли наконец прорваться за Урал и опустошить Нижнее Приобье до самого моря⁴⁵. Потеряв «пермские дани», они грабили утраченные владения, пользуясь неспособностью московских князей организовать оборону новых земель⁴⁶. Лишь крещение зырян Стефаном Пермским и его переговоры с новгородскими властями привели к прекращению этих набегов⁴⁷.

Однако ни военные столкновения с югрой и зырянами, ни рост московского влияния не остановили торговлю Новгорода с Уралом. Более того, именно в это время (60-е гг. XIV в.) создается так называемая «Югорщина» – корпорация купцов, чьи торговые интересы были связаны с далекой Югорской землей⁴⁸. Их патрональной святыней стала построенная в 1365 г. в Новгороде каменная церковь Троицы на Рядятиной улице⁴⁹. В 83 метрах к северу от этой церкви в 1973 г. были начаты археологические исследования на раскопе, получившем название «Троицкого», которые продолжаются и сегодня. Результаты исследований позволяют говорить о том, что, по крайней мере, три усадьбы на территории Троицкого раскопа были связаны с югорскими землями. Из обнаруженных здесь находок наибольший интерес представляют берестяные

грамоты. В грамоте № 548 упоминается Моислав Попович, которого исследователи отождествляют с одним из участников похода на Югру 1193–1194 гг.⁵⁰ Имя автора грамота № 589 – Жила, известно, как полагают исследователи, по грамоте великого князя Ивана Калиты печорским сокольникам⁵¹. О связях с северо-восточными землями Новгорода говорит и целый ряд предметов, обнаруженный при раскопках: привески-амулеты из Прикамья, деревянное антропоморфное навершие, рисунок на бересте, изображающий человека в чуме, рисунки моржей на камне и др.⁵²

Еще более многочисленны свидетельства урало-новгородских связей непосредственно на территории Урала и Зауралья. Судя по всему комплексу вещей, наиболее активные связи были в XII – первой половине XIII в.⁵³ К этому же времени относятся зырянские городища Приобья, население которых испытало сильное русское влияние; как и раньше, новгородцы ввозили в Югру украшения, замки, ключи, инструменты, оружие, посуду; как и прежде, вывозили меха⁵⁴. Находки древнерусской керамики XIII–XIV вв. на городище Уки II на нижнем Иртыше подтверждают данные о непосредственном присутствии новгородских торговцев за Уралом⁵⁵. Весьма активно действовали за Уралом зыряне и пермяки; эти подданные Новгорода играли едва ли не основную роль в обеспечении его торговых связей на севере и северо-востоке, а их колонизация Зауралья проложила впоследствии прямую дорогу к завоеванию Сибири. Но в конце XIV в. такое будущее казалось невероятным.

3. Новгород и Москва.

На первый взгляд может показаться, что торговая империя Новгорода к концу XIV в. рухнула, ведь на Печоре, в Повычегодье и на берегах Сухони сидели уже не новгородские данники, а люди великого князя Московского, и дань с этих земель шла в Москву. Но на самом деле не дань была источником «мягкого золота», а торговля. В 1425 г. дань с Великого Устюга составила 50 тысяч белок и 240 соболей⁵⁶, в то время как закупка пушнины отдельными купцами иногда превышала 60 тысяч шкурок, а общий новгородский экспорт пушнины достигал полумиллиона и более шкурок в год⁵⁷. Москвичи могли бы перекрыть все дороги к Уралу (кроме северного морского пути), но тогда великокняжеская казна лишилась бы весьма доходной статьи. Поэтому препятствий новгородской торговле не устанавливали, а самих новгородцев мос-

ковское правительство всеми правдами и неправдами старалось переманить к себе на службу.

Военные поражения Новгородской республики имели одно весьма существенное последствие – ослабление государственной власти и упадок ее авторитета. Этим и воспользовались многочисленные искатели приключений, смотревшие на новгородские волости как на свои потенциальные владения. Выше уже говорилось о набегах ушкуйников на Повыхегодь; еще более напряженной была обстановка в Заволочье. В 1342 г. новгородский боярин Лука Варфоломеев решил поправить свои пошатнувшиеся дела удачным походом; собрав небольшой отряд, он ушел на Северную Двину, где построил себе городок Орлец. Отсюда Лука начал распространять свои владения на все Заволочье, а его сын Онцифор тем временем совершил успешный набег на Поволжье. Однако предприятие Луки Варфоломеева завершилось крахом; сам он погиб в бою с емчанами, а Онцифор бежал в Новгород, где затеял целую смуту, обвинив в смерти своего отца нескольких знатных бояр. Позднее в Орлеце утвердился Анфал Никитин, прославившийся походом на Каму и взятием города Жукотина. К несчастью для себя, Анфал поверил московским посулам и перешел на службу к вел. кн. Василию I (1389–1425 гг.). Наказание последовало незамедлительно: в 1398 г. новгородцы после длительной осады взяли Орлец и разрушили его⁵⁸. Анфал Никитин бежал в Прикамье и где-то между 1401 и 1409 г. севернее Чердыни построил городок Анфаловский; на новом месте он также не успокоился, пока не погиб в 1417 г. в стычке с пермяками⁵⁹.

Частная инициатива проявлялась иногда и положительным образом. В 1430 г. вологодскими посадскими людьми Калинниковыми было основано первое русское промышленное поселение в Приуралье – Усолье Камское, выросшее затем в город Соликамск⁶⁰. Возросла и общая численность русского населения в этих краях; к примеру, на Искорском городище новгородская керамика составляет 51,8%⁶¹. А вот в Зауралье русское влияние явно ослабевало. Одной из причин этого была политика христианизации, активно проводившаяся Москвой в Приуралье. Чрезмерное рвение некоторых миссионеров заставляло язычников-коми переселяться в Приобье, где их участь не могла не вызвать сочувствия. Нетрудно усмотреть связь между крещением зырян и первыми набегами вогулов, о которых до 1398 г. письменные источники вообще не упоминают. Однако самый сильный удар по русско-уральским торговым связям

нанесло Сибирское царство (его владения порой доходило до Северной Сосьвы)⁶². Продвижение сибирских татар на север привело к междоусобицам среди самих обских угров. Заниматься торговлей в такой обстановке было явно небезопасно, но для вторжения она казалась весьма благоприятной. Новгородцы попытались ей воспользоваться и... просчитались. Поход 1446 г. едва ли не стал повторением той трагедии, которая произошла в 1193–1194 гг. Отношения с Югрой испортились окончательно.

Новгородцы не сумели воспользоваться и той смутой, которая царила в великом княжестве Московском в правление Василия II Темного (1425–1462 гг.). Пермь Великая стала уделом князя Михаила Ермаевича (1451–1481 гг.), считавшегося сторонником Москвы. Пелымский князь Асыка вокняжение Михаила принял спокойно, а вот на попытку крещения пермяков в 1455 г. отреагировал более чем решительно – напал на Чердынь и убил пермского епископа Питирима.

В том же (1455) году состоялся последний поход новгородцев на Югру. Конец военной экспансии был столь же неудачен, как и ее начало – трехтысячная русская рать потерпела полное поражение. Через десять лет Югра будет побеждена русскими, но эту победу одержит уже московская рать; а еще через шесть лет, после Шелонской битвы, Новгородская республика откажется от всех прав на свои бывшие северо-восточные земли. В 1478 г. она прекратит свое существование.

Ее наследником стала Москва; торговую колонизацию заменили военные вторжения, маленькие фактории превратились в крепости, деревянные идолы коми обернулись христианскими святыми, а боги угров спрятались в леса и болота. Очень многое изменилось или исчезло навсегда; изменилась и сама Югорская земля. Она все еще кажется неисчерпаемо богатой, вот только «золото» стало «черным», потому что «мягкого золота» в ней уже почти не осталось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСРЛ. СПб., 1856. Т.7. С. 10.

² Там же. С. 117.

³ Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // Культура древней Руси. М., 1951. Т. I. С. 281.

⁴ Там же.

- ⁵ Голубева Л.А. Весь // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 63.
- ⁶ Воронин Н.Н. Указ. соч. С. 296.
- ⁷ Писцовые книги Обонежской пятины. М., 1930. С. 18.
- ⁸ Там же. С. 177.
- ⁹ Голубева Л.А. Чудь заволоцкая // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 64.
- ¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 504.
- ¹¹ Каптерев Л.М. Как русские пришли на Урал. Пермь, 1930. С. 3.
- ¹² ПСРЛ. СПб., 1848. Т.3. С. 19.
- ¹³ Розенфельдт Р.Л. Прикамские финны // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 122.
- ¹⁴ Голубева Л.А. Чудь заволжская. С. 64.
- ¹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 127–132.
- ¹⁶ Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т III, ч.1. С. 73.
- ¹⁷ Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 198–200.
- ¹⁸ Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909. С. 193.
- ¹⁹ Там же. С. 194.
- ²⁰ Там же. С. 198.
- ²¹ Там же. С. 199.
- ²² Курганы Санкт-Петербургской губернии из раскопок Л.К. Ивановского // Материалы по археологии России. 1896. № 20; Брандербург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России 1988 г., № 18.
- ²³ Отчет Археологической комиссии. СПб., 1901. С. 142.
- ²⁴ Розенфельдт Р.Л. Указ. соч. С. 128–129.
- ²⁵ Там же. С. 129; см. также: Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIX в. Л., 1987. С. 198; Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990.
- ²⁶ История культуры древней Руси. М., 1948. Т. 1. С. 383; Стоколос В.С. Средневековое погребение на оз. Чойновты // Материалы по археологии европейского северо-востока. Сыктывкар, 1978. Вып. 7. С. 96–99.
- ²⁷ Оборин В.А. Указ. соч. С. 49; Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни X–XIII в. // Труды ГИМ. М., 1959. Вып. 33. С. 120.
- ²⁸ Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 214–216.
- ²⁹ Там же. С. 215.
- ³⁰ Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. V. Пермь, 1894. С. 43.
- ³¹ Розенфельдт Р.Л. Указ. соч. С. 127.
- ³² ПСРЛ. Т.7. С. 10.
- ³³ Морозов В.М., Пархимович С.Г. Городище Перегребное I // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 89–99; Пархимович С. Г. О контактах

населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тыс. н. э. // ВАУ. 1991. № 20; Курлаев Е.А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Уральский исторический вестник. 1997. № 4.

³⁴ Курлаев Е.А. Указ. соч. С. 108.

³⁵ Морозов В.М., Овчинникова Б.Б., Пархимович С.Г. «Путешествие в Югру» // Древности Урала. Екатеринбург, 1996. С. 98.

³⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 19.

³⁷ Там же. С. 21.

³⁸ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1927. С. 65; Могильников В.А. Указ. соч. С. 215.

³⁹ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1. С. 262.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 73.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 74.

⁴³ Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257.

⁴⁴ См. примеч. 41.

⁴⁵ ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 64–65.

⁴⁶ Повесть о Стефане, епископе Пермском // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 123–138, 141.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Вернадский Г.Н. Господин Великий Новгород. Л., 1936. С. 56.

⁴⁹ Новгородская летопись. СПб., 1879. С. 34, 236.

⁵⁰ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986. С. 18.

⁵¹ Там же. С. 49–60.

⁵² Могильников В.А. Указ. соч. С. 216.

⁵³ См. примеч. 33.

⁵⁴ См. примеч. 54.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1969. Т. 30. С. 114.

⁵⁷ Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV в. М., 1963. С. 87.

⁵⁸ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 66–67.

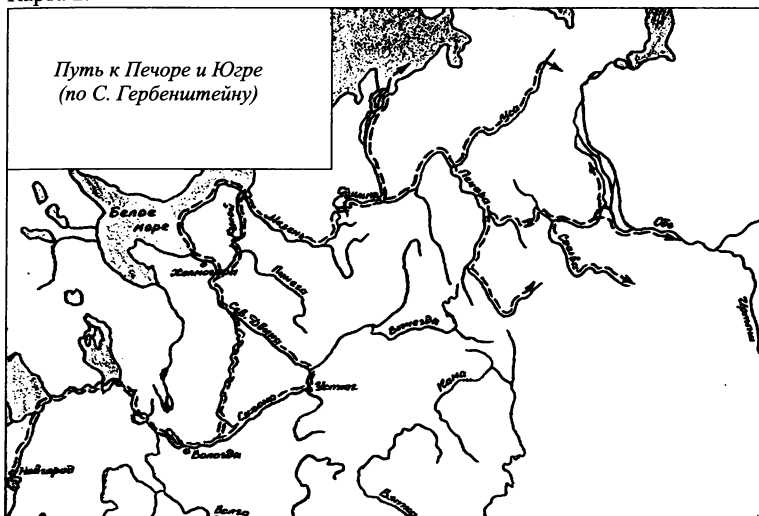
⁵⁹ Оборин В.А. Указ. соч. С. 13.

⁶⁰ Берг В. Путешествие в город Чердынь и Соликамск. СПб., 1821. С. 76.

⁶¹ Оборин В.А. Указ. соч. С. 72.

⁶² Овчинникова Б.Б. Загадка столицы Сибирского юрта // Древность Урала. Екатеринбург, 1996. С. 102.

Карта 2.

Карта 3.

